

SOCIAL ENVIROMENTAL AND SOCIAL ENGINEERING

Для повышения эффективности социальной работы требуется дальнейшее совершенствование социальных практик, в частности, на основе применения постсовременных методологий воздействия. Так, диапазон направленный рефлексивного управления ориентирует на стимулирование желательных изменений индивидуального и социального поведения, общественных отношений и процессов. Продуктивность социальной инженерии требует внимания к состоянию и динамике общественной среды, а также культивирования кластеров развития. Соответственно, на передний план практико-теоретического освоения выходят проблемы традиций и инноваций, мифов восприятия и интерпретации, возрождающихся на основе базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров и формирующих индивидуальные и социальные склонности в информационной избирательности.

Ключевые слова: общественная среда, социокультурное пространство, социокультурный капитал, ценностно-смысловой комплекс, традиции, понимание, мировосприятие, интерпретация, миф, религия, рефлексивное управление, рефлексивная модернизация, социальная инженерия, социальная работа, социальные технологии, стимулирование.

Для підвищення ефективності соціальної роботи потрібне подальше вдосконалення соціальних практик, зокрема, на основі застосування постсучасних методологій впливу. Так, діапазон напрямів рефлексивного управління орієнтує на стимулювання бажаних змін індивідуальної та соціальної поведінки, суспільних відносин і процесів. Продуктивність соціальної інженерії вимагає уваги до стану й динаміки суспільного середовища, а також культивування клас-

терів розвитку. Відповідно, на передній план практико-теоретичного освоєння виходять проблеми традицій та інновацій, міфів сприйняття й інтерпретації, що відроджуються на основі базових ціннісно-смыслових комплексів культурно-цивілізаційних світів і формують індивідуальні та соціальні схильності в інформаційній вибірковості.

Ключові слова: суспільне середовище, соціокультурний простір, соціокультурний капітал, ціннісно-смысловий комплекс, традиції, розуміння, світосприйняття, інтерпретація, міф, релігія, рефлексивне управління, рефлексивна модернізація, соціальна інженерія, соціальна робота, соціальні технології, стимулювання.

To improve the effectiveness of social work, further improvement of social practices is required, in particular – on the basis of the application of the postmodern methodologies of impact. So, the range of directions of reflexive management focuses on stimulating desirable changes in individual and social behaviour, social relations and processes. The productivity of social engineering requires attention to the state and dynamics of the social environment, as well as the cultivation of development clusters. Accordingly, the problems of traditions and innovations, myths of perception and interpretation emerging on the basis of basic value-sense complexes of cultural-civilizational worlds and forming individual and social propensities in information selectivity come to the forefront of practical and theoretical development.

Key words: social environment, socio-cultural space, socio-cultural capital, value-sense complex, traditions, understanding, perception of the world, interpretation, myth, religion, reflexive management, reflexive modernization, social engineering, social work, social technologies, incentives.

УДК 316.42+304.4+304.5

Шедяков В.Е.

д.соц.н., к.э.н.,

независимый исследователь (Киев)

Каков кто сам, таков и бог его.
Вот почему смешным бывает божество.
Иоганн Вольфганг фон Гёте

Постановка проблемы. Незавершённость постсоветского транзита накладывалась на требования переходного периода по входу в новую эпоху. Это требует приоритетной оптимизации сочетания изменений общественной среды и культивирования точек концентрации социально важных инноваций. Так, одним из пересечений наметившихся противоречий становится системная адаптация под задачи «общества/экономики знаний» либо «общества/экономики олигархов» (или же форм сочетания того и другого).

Анализ последних исследований и публикаций. Исследование базируется как на теоретических посылах работ, связанных

с изучением, во-первых, характера общественных отношений и процессов их изменений; во-вторых, роли традиций и ценностей в осуществлении общественно важных трансформаций; в-третьих, направлений и границ дрейфа продуктивных технологий социальной инженерии, так и на осмыслении практических результатов социально-политических измерений (в частности постсоветской компаративистики). Лао-цзы и Конфуций, Абу Рейхан аль-Бируни и Абу Бакр Мухаммад ар-Рази, Абу Али ибн-Сина и Абу Наср аль-Фараби, Аристотел (Платон) и Аристотель, Аристоник Пергамский и Марк Аврелий Антонин, Тиберий и Гай Гракхи, А. Пушкин и Н. Некрасов, М. Ломоносов и Г. Державин, В. Ключевский и Т. Грановский, Б. Телезио и Т. Кампанелла, Ф. Тютчев и А. Фет, Ж. Жорес и Ж. Гед, М. Бакунин, М. Ганди, И. Кант, П. Лавров, Ф. Лассаль,

К. Маркс, Д. Менделеев, Т. Мор, Г. Плеханов, П. Прудон, А. Сен-Симон, В. Соловьёв, Дж. Уинстенли, С. Франк, Ш. Фурье, а также Р. Акофф, И. Алексеенко, Ж. Алфёров, У. Бек, Г. Беккер, Б. Большаков, А. Бузгалин, В. Букреев, Л. Вальрас, В. Галин, Э. Гидденс, Дж. Гэлбрейт, Э. Дюркгейм, В. Ефимов, Э. Ильенков, В. Иноземцев, Л. Кейсевич, А. Колганов, Р. Косолапов, Ю. Красин, Е. Кропанева, О. Кузнецов, Дж. Курт, В. Медведев, С. Переслегин, А. Печчеи, А. Пигу, В. Пошатаев, И. Пригожин, Я. Режабек, В. Сагатовский, С. Сулакшин, Л. Туроу, Н. Ушенко, Ф. Хайек, Й. Хейзинга, И. Шкловский, Т. Шульц, Л. Эрхард, Ю. Яковец и др. пытались проанализировать возможности и пути очеловечивания общественных отношений, улучшения условий жизни и творчества при совмещении саморегулирования человечества на основе традиций и распространения общественно важных инноваций.

Постановка задачи. Эффективное осуществление модернизации в условиях усиления во всемирном масштабе роли постсовременных, постиндустриальных и постглобальных тенденций вызывает дрейф ресурсно-методологических баз [1–5]. Важнейшая практическая и теоретическая проблема – оптимизация социетальных воздействий на ход трансформаций с учётом отражения последствий в плоскостях большой стратегии, собственно стратегии, тактики и оператики.

В этой ситуации основная задача статьи – подведение промежуточных итогов рассмотрения общественных отношений как поля социальной инженерии в контексте происходящих перемен.

Изложение основного материала исследования. Способность к устойчивости и изменению культурно-цивилизационных миров во многом определяется сплетённостью (в частности, под влиянием исторического опыта, социокультурного наследия и ментальных матриц народа) объективных и субъективных факторов структурирования, формирующих разнокачественные обратные связи и отношение к творчеству (индивидуальному и массовому, в труде и управлении). Гибкость структур отрицательной и положительной обратной связи позволяет и гасить вредные импульсы, и усиливать полезные, выливаясь в совершенствование самой меры развития, возвращая субъектность в рефлексивность и позволяя множить конкретные преимущества соотношения циклично повторяемого и уникально невозпроизводимого [6–10]. Чем больше оснований у общества, чем более сложная внутренняя структура, тем она более устойчива в периоды относительных стабильности и изменений, тем более способна к дальнейшему развитию. Поэтому, например, федеративные республики всегда под угрозой распада, но в

то же время внутри у них кипит жизнь, когда «моногосударства», достигнув апогея развития, начинают тяготеть к внутренней «смерти». Поэтому и постглобализм как форма взаимодействия культурно-цивилизационных миров включил в себя процессы регионализации, федерализации и глобализации и стал естественным этапом организации безопасности и развития человечества. Соединение в национальном государстве сил нации и государства когда-то дало на переходе из Традиции к Модерну мощнейший организационно-управленческий импульс. Позже первенство перехватила целостность на основе федеративной республики: практически все мировые лидеры стали ими на её базе... Да и в надгосударственном постглобальном структурировании её принципами обрастают во всех сферах жизни: закрытое акционерное общество государственности перерастает в открытое. Но, как и любой процесс внутреннего развития, интерпретироваться он может катастрофически болезненно по синусоиде в плоскостном преломлении или же по восходящей спирали, если воспринимать трансформации объёмно.

Продуктивность социальной инженерии требует внимания к состоянию и динамике общественной среды, а также культивирования кластеров развития. Общественная среда – фиксируемая Сверхпроектом целостность общественно важных традиций и инноваций, принимающая под воздействием всеобщности отношений капитала форму социокультурного капитала. Её воссоздание включает ресурсы рациональные и иррациональные, материальные и духовные, используя в качестве основ, в частности, возможности ценностей, мифа и религии. Совершенствование социокультурной ткани общества: социальности, выросшей из базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира – становится важнейшим направлением обеспечения общественной безопасности [11–16]. При этом многое зависит как от соотношения приоритетов, так и от системы стимулирования их достижения. Тем самым оптимальное развитие социально-политических процессов предполагает вызревание как самой общественной среды, так и кластеров будущего как звеньев цепи, потянув за которые можно изменить положение всей цепи общественного организма. Таким образом, именно обеспечение адекватной Вызовам истории меры стратегического управления (а вовсе не обладание мощным потенциалом как таковым) является решающим фактором истории, тем более проведения рефлексивной модернизации в условиях усиления черт постиндустриализма, постглобальности и в целом постсовременности.

Вместе с тем практически повсеместная победа риторики и форм демократии/народовластия отнюдь не всегда означает реальность соответствующих социальных механизмов и приоритетов [17–20]. Так, с одной стороны, никакая (властвующая или же оппонирующая и идущая к власти) элита не является абсолютно обособленной группой демиургов, собственно, события столетней давности ещё раз напоминают об этом. С другой – элита зачастую пытается настолько активно обособиться от народа: вести иной образ жизни, учить своих детей, питаться, отдыхать и проживать отдельно от тружеников, что порой реактуализируется классическая концепция «двух наций». Однако само наличие общественной среды квазидемократических социально-политических образований, с одной стороны, позволяет за внешними формам скрывать совершенно отличное от них содержание, но, с другой, делает их уязвимыми к воздействиям под лозунгами декларируемых ценностей.

Условия же (пост)модерна лишают опоры на доминирование привычных ресурсных и методологических баз, ставших обычными общественных устоев, а теперь уже и природной данности: они сами испытывают мощное влияние человеческой ойкумены, да и отдельный человек в процессе жизни в состоянии достаточно легко сменить конкретную жизненную нишу. Соответственно, процессы нарастания пост(недо)модерна кардинально трансформируют роль культуры в жизни как отдельных культурно-цивилизационных миров, так и для результатов их полилога, её инструменты: глобализация, виртуализация, атомизация и проч., обеспечивают стабильную нестабильность социальной и природной среды. Человек вводится в состояние постоянного выбора или готовности к отказу от него в пользу стереотипов потребления материальных и духовных благ. При этом и сама культура создается уже отнюдь не для узкого круга, а, напротив, испытывается «на излом» вероятностью самых причудливых контактов. И человек получает широкие возможности взаимодействия (прежде всего, за счёт «новых медиа») с самыми разными собеседниками. Многослойность и контрастность бытия по-разному складываются в многоуровневые пути общественных трансформаций, за которыми проступают очертания процессов, зигзгующих на сочетании архаического уровня социальности (фольклор, этноосмысление, религиозные отличия) с осевыми (опосредование миропонимания великим священнокнижием и отнесением себя к одному из культурно-цивилизационных миров), модерными и постмодерными моделями. Скользящие сочетания хаоса и порядка даруют всё новые комбинации состояний и диапазоны

возможностей развития [21–24]. И когда-то казавшиеся незыблемыми общественные устои (как и природные ландшафты) всё в большей мере требуют защиты.

Создание условий, благотворных для долговременного устойчивого социально-экономического развития в заведомо неустойчивой среде требует первоочередного обеспечения прочного социокультурного основания и культивирования адекватных эпохе форм его развития. Соответственно, процессы нарастания пост(недо)модерна кардинально трансформируют роль культуры в жизни как отдельных культурно-цивилизационных миров, так и для результатов их полилога, её инструменты: глобализация, виртуализация, атомизация и проч., обеспечивают стабильную нестабильность социальной и природной среды. Многослойность и контрастность бытия по-разному складываются в многоуровневые пути общественных трансформаций, за которыми проступают очертания процессов, зигзгующих на сочетании архаического уровня социальности (фольклор, этноосмысление, религиозные отличия) с осевыми (опосредование миропонимания великим священнокнижием и отнесением себя к одному из культурно-цивилизационных миров), модерными и постмодерными моделями, периодически реанимируя их качества (пример – неоархаика).

Роль и диапазон субъектных воздействий изменчив, как и состав акторов эпохи, её выразителей и выгодополучателей (воспринимаемых как «герои этого времени»). Люди создают историю в конкретных условиях места и времени, при определенном социальном наследии и национальном характере, сложившихся нормах и правилах жизни, влияющих на эффективные комбинации политико-экономических и духовно-ценностных причин, рисков и возможностей достижения соборного единства общества. Смысл соборности в организации стратегического управления процессами гуманизации общественных отношений – консолидация социума, позволяющая реализацию различных социальных интересов без их антагонизма и подавления. Глубоко личностный характер одарённости отражается в интегральных качествах материального и духовного производства, в ассоциации и кооперации деятельности по созданию и распространению предметов культуры, навыков и знаний [25–27].

Вместе с тем экология личности предполагает постоянный гражданский выбор в пользу творчества как проявления сугубо индивидуальной комбинации дарований в общественно предоставляемой форме. Если ранее человек, как правило, реализовывался в строгих рамках predetermined рождением жизненной дороги, то сегодня в социальном масштабе

свобода выбора в продуцировании смыслов сменила прежнюю свободу от выбора с низведением к животной-вещной репродукции. Место общественной предрасположенности к отчуждённому канону и индивидуального порыва к творчеству заняла общественная потребность в творчестве, дополняемая индивидуальной склонностью к бегству от сложностей свободы. Противоречие родовых сил развёртывается в социальные конфликты, вызывая варианты сублимации. Если внутренняя характеристика сил – их рационально-эмоциональная определённость, то внешняя – единство вещественного содержания, форм вещественных и общественных. При переходе к реализации вариантов модели «ризомы» характерно для наложения черт постиндустриальности, постглобальности и в целом постсовременности именно потому, что позволяет и расширить диапазон вовлекаемых ресурсов эндогенного социально-экономического развития, наращивать преимущества и успешно предотвращать, локализовать и ликвидировать угрозы, готовя к самым разнообразным проявлениям общественной жизни. Общественно важные инновации могут стать как взрывом традиций, так и инновационными формами традиций, резонирующими с базовыми ценностно-смысловыми комплексами культурно-цивилизационного мира. Цивилизационный срыв получает новые грани при контрмодерне в качестве варианта постмодерна.

Новая парадигма – это жажда свободы (хоть не всегда – способность к свободе, отсюда и опасность тотальной маргинализации общества). Переход к основаниям свободы – одновременно и отказ от единственности базиса, и утверждение всеобщности плюрализма. Нет принуждения, и никто никому ничем не обязан. Исчезает понятие периферийности той или иной культуры: все – равноценны и равноправны. Гуманность, человечность признается выше всех и любых доктрин: основной регулятор – закон «не мешай». И в этом направлении разрешается основная проблема постмодерна: если аутсайдерство – норма с необъятным диапазоном собственных моделей социогенеза, а вовсе не отставание на общей (единой для всех) дороге, то люмпены, маргиналы (люди и страны) имеют право на собственный выбор – пока не покушаются на выбор других. В этой связи и содержание понятий «развитие», «прогресс», «социогенез» нуждается в обновлении: помимо стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие этические ценности, как справедливость, свобода выбора, терпимость.

Одновременно страны, которые демонстрировали высокие достижения во всех областях социального общежития, как правило, основывались на широком объединении

усилий различных слоёв населения на задачах гражданского согласия и достижения соборности общественного устройства. Предпосылкой для этого выступает слом административно-бюрократического панциря, преодоление милитаристского окостенения, глубокие демократические преобразования, позволяющие широким кругам народа участвовать в выработке общественно значимых решений, в развитии и осуществлении гражданами своих дарований при формировании государственной политики. Важным оказывается умение государства удерживать баланс решений между интересами экономически «сильных» и «слабых», лидеров и аутсайдеров, готовность предотвращать произвол и ошибки своих представителей и создавать среду, поддерживающую позитивные инновации и предотвращает негативные. Это, собственно, и характеризует формирование собственной модели успеха как обновление общественного каркаса реализации базовых ценностно-смысловых комплексов нашего культурно-цивилизационного мира. Можно констатировать, что появление «турбулентных завихрений» в истории, революций, объективно, как объективны и реформы. Другое дело, что качество самого духа революционности как локомотива истории давно перешло к отношению другого плана, и попытки диктатуры любой группы в средне-развитом обществе становятся регрессивными, контрпродуктивными.

Так реализуется соотношение устойчивости и изменчивости, цивилизации и личности. Природа рефлексивного регулирования процессов общественной жизни требует внимания и учёта качеств не только объективной, но и субъективной составляющей исторического процесса, в частности деятельных участников и колеблющихся, актива и пассива происходящего, союзников и противников, их структурной и функциональной определённости. Тем самым оптимальное развитие социально-политических процессов предполагает вызревание как самой общественной среды, так и кластеров будущего как звеньев цепи, потянув за которые можно изменить положение всей цепи общественного организма.

Характер и вектор динамики общественной среды коррелирует с формообразованием базовых ценностно-смысловых комплексов общества, иницилируя особенности восприятия и интерпретации, складывающиеся в соотношения человеческого – святого – звериного, нормативного – возвышенного – низменного и закрепляющиеся в общественных мифах, религиях, идеологиях. В свою очередь, Сверхпроект помогает фокусировать ресурсно-методологические базы и доформировывать общественное согласие, подстраховывая отсутствие или качественно-количественную

недостаточность общественных связей. Ответствие Сверхпроекта базовым ценностно-смысловым комплексам общества вызывает ощущение сосчастья, справедливости, доверия. Этот общественный резонанс рождает состояние соборности как взаимодействия процессов творчества и ответственности. Отсутствие же соответствия навязываемого обществу Сверхпроекта коренным ценностно-смысловым комплексам и невозможность развить и реализовать в его рамках созидательные задатки к творчеству усиливает социальные основания протеста. Стихийные попытки восстановить народное понимание справедливости и нравственности общественного порядка выливается то в вечевые формы гражданственности, то в модели народного бунта (часто направляемые и перенимающие черты своих организаторов и носителей). Так, диапазон направлений рефлексивного управления ориентирует на стимулирование желательных изменений индивидуального и социального поведения, общественных отношений и процессов.

Выводы по проведенному исследованию. Для повышения эффективности социальной работы требуется дальнейшее совершенствование социальных практик, в частности, на основе применения постсовременной методологии воздействия. Совершенствование информационной инфраструктуры должно учитывать и мифологизм освоения мира, и особенности религиозного сознания. Попытки кардинальных масштабных насильственных перемен, как правило, влекут общественный надрыв и сметаются последующим движением вспять.

Успешность для культурно-цивилизационного мира проведения модернизации во многом зависит от качества и приоритетов управления: принимаемых решений и их воплощения. Рефлексивный характер постсовременной модернизации ориентирует на повышение культуры проведения трансформаций путём гибкого использования управленческих композиций по стимулированию желательных изменений в т.ч. посредством как развития социокультурной ткани политико-экономических изменений (в частности, для задействования потенциала бесструктурного управления), так и формирования кластеров перспективных подвижек. В глобализованном мире свои ловушки ожидают всемирные центры и мировая периферия, интересные для «центров силы» и никому не нужные, удобные и неудобные. Но постсовременность дарует шанс на успех каждому из культурно-цивилизационных миров, надо лишь обеспечить интеграцию интересов, культуру проведения модернизации, увидеть возможности, быть к ним готовым: выращи-

вать свои ресурсные базы и социальные формы, позволяющие воспринимать и производить стратегический анализ, прогнозирование и конструирование постглобальных проектов.

Инверсионные же явления неклассических трансформаций требуют более полно использовать в процессе социального регулирования вызревшие естественным путём социально-экономические формы, когда стратегия «прогрессоров» «облаготворять насильно» лишь обостряет противоречия, приводит к перерасходу ресурсных баз и вызывает отторжение. Именно поэтому традиционные ценностные ориентации зачастую обновляются под знаком усиления мотивов социальной ответственности, умеренности, самоограничения, закрепления состояния социальной иерархии. Вследствие такой направленности реактуализируется интерес к базовой культуре, к ценностно-смысловым комплексам. Приоритетным становится ригоризм в требованиях к качеству и социальной ответственности элиты, осуществлению социетального управления, реализации функций власти. Резкое повышение планки нравственной требовательности и социальной ответственности во всех сферах общественной жизни – это, во-первых, необходимость перехода к обществу знаний и экономике сложного и уникального труда, во-вторых, предпосылки осуществления принципов функционирования социального государства.

Соответственно, повышение эффективности дальнейших исследований в этом направлении может предполагать, на наш взгляд, приоритетный анализ в трансформирующейся общественной среде как методов стимулирования творчества, так и диапазона рефлексивного управления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бурдые П. Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 562 с.
2. Бувресс Ж. Правила, диспозиции и габитус. Sociologos. 2009. № 6. URL: <http://sociologos.net/textes/bouveresse.htm>.
3. Шапошникова І.В. Концепція часу у структурі образу України. Науковий вісник ХДУ. Серія «Лінгвістика». Вип. 11. С. 201–205.
4. Шедяков В.Е. Трансформации пространственно-временных характеристик в процессах социогенеза. АНТРО. Анналы научной теории развития общества. 2015. № 1 (16). С. 169–183.
5. Шедяков В.Е. Стратегия постсовременного взаимодействия: методология и ресурсная база дальнейшего совершенствования. Нова парадигма. 2014. Вип. 119. С. 34–52.
6. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. Москва: Алгоритм, 2007. С. 186–241.

7. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. Москва: Прогресс, 1976. 247 с.
8. Социальные технологии: Толковый словарь / отв. ред. В.Н. Иванов. Москва – Белгород: Луч – Центр социальных технологий, 1995. 309 с.
9. Шедяков В.Е. Изменение роли, методологии и ресурсных баз научной рефлексии как фактора реализации и использования ценностно-смысловых комплексов в информационных обменах стратегического уровня. Гілея. 2015. Вип. 92 (1). С. 174–183.
10. Шедяков В.Е. Совершенствование общественных отношений и развитие творческой активности. Актуальні проблеми філософії та соціології. 2017. Вип. 19. С. 136–141.
11. Социальные отношения: познание и совершенствование / Н.Н. Мокляк, В.Ю. Барков и др.; отв. ред. Н.Н. Мокляк. Киев: Наук. думка, 1990. 232 с.
12. Лушникова О.Л. Роль социокультурного капитала в условиях глобализации. Известия Уральского федерального университета. Серия 3 «Общественные науки». 2016. Т. 11. № 4 (158). С. 76–81.
13. Федотова Н.Г. Теоретико-методологические векторы концепции социокультурного капитала. Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2015. № 4 (87). Ч. 1. С. 127–130.
14. Шедяков В.Е. Социокультурный капитал как условие активизации производительных сил общества. Актуальні проблеми філософії та соціології. 2015. № 5. С. 212–215.
15. Морозов Е.И. Методология и методы анализа социальных систем. Москва: Изд-во МГУ, 1995. 176 с.
16. Давыдов А.А., Чураков А.Н. Измерение идентичности социальных систем. Социологические исследования. 1996. № 11. С. 85–90.
17. Социальные знания и социальные изменения / А.А. Мяделец, В.Б. Власова, Н.Н. Лебедева и др.; отв. ред. В.Г. Федотова. Москва: ИФ РАН. 315 с.
18. Штомпка П. Социология социальных изменений. Москва: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
19. Шедяков В.Е. Социология трансформирующегося общества. Бизнес Информ. 1996. № 1. С. 4–9; № 2. С. 4–9.
20. Dube S.C. Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigm (Socio-cultural development alternatives in a changing world). Tokyo: University Press, 1988. 422 p.
21. Нагорна Л.П. Исторична пам'ять: теорії, дискурси, рефлексії. Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2012. 328 с.
22. Шедяков В. Украина в контексте логики пост-модерна. Вибір. 1998. № 1–2. С. 52–57.
23. Шедяков В.Е. Субъектность общественных трансформаций и формирование их вектора и результатов. Актуальні проблеми філософії та соціології. 2016. Вип. 12. С. 148–152.
24. Мацієвський Ю. У пастці гібридності: зигзаги трансформацій політичного режиму в Україні (1991–2014). Чернівці: Книги-XXI, 2016. 552 с.
25. Кисленко Р.В. Специфіка трансформації гібридного політичного режиму в сучасній Україні. Politicus. 2017. Вип. 5. С. 51–56.
26. Шедяков В.Е. Осуществление парадигмальных трансформаций: сорезонирование стратегии, тактики и оперативного искусства в управленческих композициях. Development and modernization of social sciences: experience of Poland and prospects of Ukraine / Maria Curie-Skłodowska University. Lublin: Baltija Publishing, 2017. С. 282–307.
27. Шедяков В.Е. Отражение начал стабильности и развития в общественных нормах. Economy and Society: a Modern Foundation For Human Development: Proceedings of the II International Scientific Conference. Leipzig University, Faculty of Economics and Management Science. Leipzig, Germany, June 23th, 2017. Part 1. P. 116–118.